

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОГО ЯЗЫКА ИЛИ ГРУППЫ ЯЗЫКОВ)/LANGUAGES OF PEOPLES OF FOREIGN COUNTRIES (INDICATING A SPECIFIC LANGUAGE OR GROUP OF LANGUAGES)

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2025.157.47>

ЗООМОРФНОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ КОНЦЕПТА «СЛАБОСТЬ» В КИТАЙСКОЙ И РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Научная статья

Сизых М.М.^{1,*}

¹ ORCID : 0000-0003-0457-0783;

¹ Байкальский государственный университет, Иркутск, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (sizikh_maria[at]mail.ru)

Аннотация

Статья посвящена исследованию концепта «слабость» в русской и китайской лингвокультурах. Материалом исследования послужили прецедентные тексты, пословицы, поговорки, идиомы и фразеологизмы с компонентом-зоонимом (мышь, кролик / заяц, курица, птенец, щенок, птица). Концепт «слабость» представлен двумя семантическими группами. Тексты первой группы реализуют значения слабость-трусость, слабость-покорность и слабость-беспомощность; тексты второй группы описывают физическую несостоятельность человека. Зооморфными эталонами слабости-трусости и слабости-покорности обеих лингвокультур выступают заяц / кролик, мышь и курица. Зооморфное воплощение слабости-беспомощности в китайской лингвокультуре представлено образом птицы, в русской лингвокультуре этот зооним оказывается невостребованным. Результаты исследования могут найти применение в практике преподавания русского и китайского языков, а также межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: зооморфный код, лингвокультура, зооним, концепт, слабый, слабость.

ZOOMORPHIC MANIFESTATION OF THE CONCEPT 'WEAKNESS' IN CHINESE AND RUSSIAN LINGUOCULTURES

Research article

Sizikh M.M.^{1,*}

¹ ORCID : 0000-0003-0457-0783;

¹ Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation

* Corresponding author (sizikh_maria[at]mail.ru)

Abstract

The article is devoted to the study of the concept 'weakness' in Russian and Chinese linguocultures. The material of the study was precedent texts, proverbs, sayings, idioms and phraseological units with the zoonym component (*mouse, rabbit / hare, chicken, chick, puppy, bird*). The concept 'weakness' is represented by two semantic groups. The texts of the first group implement the meanings weakness-cowardice, weakness-submissiveness and weakness-helplessness; the texts of the second group describe the physical incapacity of a person. The zoomorphic standards of weakness-cowardice and weakness-submissiveness in both linguocultures are *the hare/rabbit, mouse and chicken*. The zoomorphic manifestation of weakness and helplessness in Chinese linguoculture is represented by the image of a bird, while in Russian linguoculture this zoonym turns out to be unused. The results of the study can be applied in the practice of teaching Russian and Chinese languages, as well as in intercultural communication.

Keywords: zoomorphic code, linguoculture, zoonym, concept, weak, weakness.

Введение

В настоящей работе рассматривается языковая репрезентация концепта «слабость» посредством зооморфного кода в русской и китайской лингвокультуре. Под культурным кодом понимается «сетка, которую культура «набрасывает» на окружающий мир, членит, категоризует, структурирует и оценивает его» [7, С. 232]. Архетипы и ценностные представления народа находят воплощение в языке в виде культурных кодов. Очевидно, что концепт «слабость» приобретает аксиологический потенциал лишь в оппозиции концепту «сила», воплощающего ориентиры и китайского, и русского народов.

Традиционно выделяют шесть групп культурных кодов — соматический (телесный), пространственный, временной, предметный, биоморфный, духовный [7, С. 233]. Биоморфный код реализован объектами растительного и животного мира, последний также получил название зооморфный.

Зооморфные эталоны силы и слабости национально и культурно специфичны, цель настоящего исследования связана с выявлением и сопоставлением зооморфного воплощения концепта «слабость» в китайской и русской лингвокультурах. Материалом исследования послужили тексты художественных поэтических и прозаических произведений, фразеологизмы, поговорки, пословицы, прецедентные тексты с компонентом-зоонимом [9], [13], [14].

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью изучения двух языков и культур, так как в последнее десятилетие наблюдается интенсивное сближение в политической, торгово-экономической и общественной сфере России и Китая, о чем свидетельствуют многочисленные исследования [1], [4], [10]. Очевидно, что интерпретация зооморфных эталонов вызывает трудности у представителей обеих культур, в силу несовпадения

образов и качеств человека, которые они воплощают. Так, например, если предложить китайским учащимся описать человека, которого можно сравнить со свиньей, то скорее всего они ответят «глупый», так как данный культурный эталон запечатлен в идиоме 蠢得像猪 (глупый, как свинья), в то время как русские однозначно скажут «грязный».

Результаты исследования могут быть применены в практике преподавания русского и китайского языков как иностранных, в качестве иллюстративного материала дисциплины «Основы межкультурной коммуникации», «Теория и практика перевода» и др.

Обсуждение

Компонентный анализ лексемы «слабый» и анализ паремий с компонентом-зоонимом, репрезентирующих данный признак, позволяет разделить эмпирический материал на две группы. Первую группу составляют тексты, представляющие слабость как трусость, нерешительность, тревожность, чувствительность и пугливость. Вторая группа представлена текстами, описывающими физическую несостоительность или немощь. Обратимся к анализу примеров.

2.1. Трусость, нерешительность, чувствительность и пугливость

Слабость в китайской лингвокультуре связана с такими качествами человека, как робость и трусость, что нашло метафорическое воплощение в образе мыши, например 胆小如鼠 (трусливый, как мышь) [2]. Китайцы используют данное выражение для описания слабохарактерного человека, избегающего проблем или убегающего от опасности.

Впервые идиома упомянута в исторической хронике династий Северная Вэй и Восточная Вэй в Китае «魏书» («Вэй шу» или «История Вэй») [3]. В хрониках описывается бегство генерала Юань Цинхэ, которого император Лян Уди отправил на завоевание северного региона Древнего Китая. Генерал Юань Цинхэ возглавлял императорское войско, подойдя к северным границам, он узнал о надвигающейся армии противника, значительно превосходящей в количестве. Не вступив в бой, генерал бежал вместе с войском, за что император Лян Уди назвал генерала трусливой мышью.

Китайская пословица имеет варианты перевода, например:

– трусливая, как крыса: 让那胆小如鼠的家伙逃吧。我会给你双倍报酬 (Пусть крыса бежит. Твоя плата будет удвоена) [2];

– трусливый, как заяц: 表面上气壮如牛, 实际上胆小如鼠 (Выдаёт себя за храбреца, а на деле труслив как заяц) [2].

В основе метафорического переноса «трус — мышь» лежит идея бегства или избегания препятствия, что описывает один из атрибутов слабости, в то время как сила представляется преодолением страха и способностью встретиться лицом к лицу с соперником или проблемой. В русской лингвокультуре подобная идея связана также с риском, что выражает пословица «Риск благородное дело. Трусы в карты не играют» [6, С. 297].

В русской лингвокультуре образ мыши многозначен, однако, в первую очередь он связан с бедностью, что запечатлено в паремиологическом пространством: У него в анбаре и мыши перевелись [5, С. 72], Два веника в коробке да мышь в подполье [5, С. 72]) и фразеологизме беден как церковная мышь. Образ сътой мыши, мыши в амбаре с крупами послужил источников для воплощения идеи достатка или даже избытка, например: Ввалился, как мышь в закром [5, С. 82], Богатый в деньгах, что мышь в крупах [5, С. 81]).

В русской лингвокультуре, так же как и в китайской, образ мыши связан со страхом и робостью, например, шутливая пословица о страхе встретиться с его источником и желании сохранять безопасную дистанцию — Грозит мышь кошке, да издалече (или: да из подполья, из норы) [5, С. 197].

Следует отметить, что зооморфный образ слабости-трусости, метафорически воплощенный в образе мыши, в русской лингвокультуре имеет шутливо-ироничную коннотацию (ср. Утопили мыши кота в помойной яме, да мертвого. Спорили мыши за лобное место, где будут кота казнить [5, С. 239]), в то время как в китайской лингвокультуре этот образ наполнен презрительно-пренебрежительной окраской.

Вторым аспектом, раскрывающим концепт «слабость» является покорность, мягкость, чувствительность и пугливость, данные характеристики метафорически представлены в образе кролика или зайца в китайской лингвокультуре, например: 孨王似兔 (неспособный (слабый) царь похож на зайца) [2].

Эта идиома представляет собой цитату стихотворения поэта династии Сун 陆游 (Лу Ю, 1125–1210, китайский государственный деятель, поэт). В стихотворении «将军行» описывается, как слабый король вражеской страны не в состоянии противостоять нападению врага. Сила воина и нерешительность правителя представлены зооморфной метафорой — «勇士如鹰健欲飞, 孚王似兔何劳搦» (Воин здоров, как орел, и хочет летать, а слабый король подобен кролику) [12]. Позже эта идиома стала широко использоваться для описания слабого монарха.

В русской лингвокультуре также используется образ зайца, который символизирует слабость-трусость, например: ЗАЯЧЬЯ ДУША

1. Трусливый, робкий человек. «В угоду вам или хозяину, за его ужин, не стану восхищаться тем, что никуда не годится, это заячий души способны так поступать». (Гончаров, Литературный вечер).

2. Кто-либо труслив, робок. «Нет, против немцев особого страха не видать. У кого заячья душа, тот, понятно, и свою тень удивит — без памяти шуганет в кусты». (М. Бубеннов. Белая береза) [14, С. 151].

Русское паремиологическое пространство также отражает слабость-трусость в образе зайца, например: Труслив, что заяц, блудлив, что кошка, Трусливее зайца, прокудливей кошки [6, С. 400]. Слабость зайца перед хищниками в лесу заставляет его вести себя настороженно, что послужило основанием метафорического переноса: о человеке, находящемся в ежедневной тревоге, постоянно ожидающем нападения говорят Живет, как заяц на слуху [6, С. 158]. Гипертрофированное ощущение страха, не имеющее реальных причин, вызывает ироническую оценку народа,

выражено в пословицах — *Вор что заяц: и тени своей боится* [5, С. 140], *Заяц от листа бежит* [5, С. 240]. Однако, народная мудрость замечает, что все соизмеримо и относительно и заяц может стать предметом опасности для более мелких животных: *Заяц от лисицы, а лягушка от зайца бежит* [6, С. 138], *Заяц от листа, а лягушка от зайца бежит* [5, С. 240].

Третий компонент концепта «слабость» определяет беспомощность человека перед повторяющейся угрозой. В китайской лингвокультуре данное состояние описывает идиома **惊弓之鸟** (птица, уже пуганная луком / рус. бояться собственной тени) [13].

Данный фразеологизм заимствован из исторической книги о древних царствах Китая V–III вв. до н. э. «**战国策**» («Чжаньго цэ», букв. «Стратегии сражающихся царств»). В данной книге I в. до н. э. учёный и писатель **��向** (Лю Сян) собрал речи, беседы и послания, приписываемые историческим лицам, жившим в эту эпоху. В период Вэй мастер стрельбы из лука смог убить гуся лишь натянув тетиву, не выпустив ни одной стрелы. Дикий гусь ранее был ранен этим стрелком, его крыло до конца не зажило и напоминало ему о прежней травме, услышав звук натягивающейся тетивы, гусь испугался и стал набирать высоту, но старая рана не выдержала и разошлась, и гусь упал перед стрелком замертво.

Сейчас эта идиома метафорически описывает человека чрезмерно острожного, напуганного прежним опытом, беспомощного перед призрачной угрозой, которая давно миновала. Современное значение китайской идиомы сопоставимо с русским фразеологизмом *Обжеглись на молоке, дуэт на воду* [9, С. 393], которым описывают тревожного человека, потерпевшего однажды неудачу и теперь ставшего излишне осторожным. Зооморфного воплощение образа необоснованно тревожащегося человека в русской лингвокультуре не обнаружено.

В русской лингвокультуре также используется метафорический образ курицы, называющей безвольного, слабого, трусливого человека — мокрая курица («*Тут нужен крепкий мужик, иначе — все. Пришлют мокрую курицу — ничего не втолкуешь*» [9, С. 342]).

Зооним щенок становится эталоном для описания слабости-неопытности в русской лингвокультуре: ср. *Получился заколдованный круг: первое же новое правительство было слабым, как новорожденный щенок*, потому что в смутное, тем более военное время сила правительства определяется наличием у него преданных ему вооруженных сил, — а в армии, в вооруженном народе, изначально не было никакого уважения к любой — годами безответственно говорившей, обманывавшей, все время менявшейся и наконец передравшейся внутри себя российской власти ... (Сергей Бабаян. Ротмистр Неженцев, 1995-1996) [11].

Для выявления когнитивного признака, на основе которого произошел метафорический перенос, необходимо обратиться к словарной дефиниции «щенок»:

ЩЕНОК

1. Детёныши собаки или волка, лисы и т.п. *Родилось пятеро щенят. Выкормить щенка. Лопоухий щенок. Играет со щенками. Скулить как щенок.*

2. Разг.-сниж. О молодом, неопытном в каком-либо деле человеке. *Набрали на стройку щенков. Страшно за них, совсем ещё щенки. Слушай внимательно, щенок! Не спорьте со мной, щенки!* [8].

Прямое значение описывает физические параметры (размер и возраст), которые дают основания для метафорического переноса, т.е. во-первых, слабым считается маленький, недостаточно большой, несопоставимый по размеру с человеком, во-вторых, слабым описывают молодого, в силу чего неопытного человека.

В представленном примере (*правительство было слабым, как новорожденный щенок*) когнитивный признак *в возраст послужил основанием для метафоризации*, а атрибут *новорожденный* усиливает незначимость и несостоительность нового правительства.

2.2. Физическая несостоительность или немощь

Вторая группа примеров описывает слабость как физическую несостоительность, что восходит к прямому значению прилагательного «слабый»: ср. «**СЛАБЫЙ 1. Обладающий малой физической силой. противоп.: сильный Слабые руки. Слабые мышцы**» [8].

Зооморфный компонент входит в структуру идиомы не в качестве объекта сравнения (*слабый, как что*), а характеризует предмет, с которым субъект не в состоянии выполнить действие, например, **手无缚鸡之力** (в руках нет силы, чтобы связать курицу) [13, С. 309]. Данную идиому используют при описании физически слабого, немощного человека, обессилевшего от усталости.

Компонент-зооним *курица* в китайской паремии выступает эталоном легкого занятия, не требующего особых усилий. Русский фразеологизм с данным элементом *мокрая курица* описывает не физически слабого человека, а безвольного и трусливого.

По данным НКРЯ по запросу *слабый*, как было зафиксировано 495 контекстов, в том числе восемь с компонентом-зоонимом, три из которых создают образ физически слабого человека, например:

1. *Оттого сегодня он такой же забалделый и слабый как муха* (Ю. Л. Нельская-Сидур. Дневники, 1972) [11].

2. *Часто ей снился один и тот же сон: будто она, маленькая и слабая, как муха, бьется о большую, гладкую, непроницаемую стену — бьется и жужжит* (И. Грекова. Под фонарем, 1963) [11].

3. *И Ленька брел к себе домой, беззащитный и слабый, как выпавший из гнезда птенец; как подбитый орел, ковыляя он на свой утес, волоча по песку обломанные крылья* (Валентина Осеева. Динка, 1959) [11].

В примере 1 и 2 муха становится эталоном физической слабости в силу своего размера, в основе лежит идея антропоцентризма: человек считается основным элементом в языковой картине мира, а соответственно и единицей измерения, поэтому маленьким и, в свою очередь, слабым признается все, что не соотносится с размерами человека.

В примере 3 (*слабый, как выпавший из гнезда птенец*) когнитивным признаком, на основе которого происходит метафорический перенос, представляется не только физический размер и сила, но и возраст (ср. *слабый, как новорожденный щенок*).

В целом, в русском языке названия невзрослых животных (*птенчик, цыпленок, теленок, лисенок*) имеют ассоциативно положительную оценку, так как воплощают представление о чем-то милом и беззащитном. Однако названия детенышей в представленных текстах, реализующих концепт «слабость», приобретают негативную оценочную коннотацию.

Заключение

В настоящем исследовании были представлены зооморфные эталоны, репрезентирующие концепт «слабость». Животный мир представляется универсальным источником заимствования культурных эталонов как в русской, так и в китайской лингвокультурах.

Слабость в обеих культурах реализуется в двух аспектах — душевное и физическое состояние человека. Зооморфными эталонами слабости-трусости и слабости-покорности обеих лингвокультур выступают *заяц / кролик, мышь и курица*. Зооморфное воплощение слабости-беспомощности в китайской лингвокультуре представлено образом *птицы*, в русской лингвокультуре этот зооним оказывается невостребованным. Физическая слабость в русском языке метафорически изображается зоонимом *мухи* или *птенца*, в китайском языке — *курицы*.

Кроме того, через описание концепта «слабость» определяются когнитивные признаки концепта «сила», которому, например, в русской языковой картине мира приписывается такое свойство личности, как способность рисковать.

Зоонимы-названия детенышей, репрезентирующие концепт «слабость» в русской лингвокультуре, приобретают отрицательное ассоциативное значение, в китайском языке данное явление не обнаружено.

Анализ текстов показывает, что концепт «слабость» однозначно отрицательно оценивается носителями китайского языка, в то время как в русском языке отрицательно и шутливо-иронично.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть представлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Белобородова К.А. Современное состояние российско-китайских торговых отношений / К.А. Белобородова // Российско-китайские исследования. — 2024. — № 2. — С. 118–128.
2. Большой китайско-русский словарь // Большой китайско-русский словарь. — 1984. — URL: <https://bkrs.info/> (дата обращения: 05.05.25).
3. 魏收。魏書(130卷)。北京：中華書局，1973。— 1904 页。
4. Гулева М.А. Современные тенденции экспорта профессионального образования из КНР / М.А. Гулева // Российско-китайские исследования. — 2024. — № 2. — С. 147–155.
5. Даль В.И. Пословицы русского народа : сборник В. Даля в 2-х т. / В.И. Даль. — Москва : Художественная литература, 1989. — Т. 1. — 431 с.
6. Даль В.И. Пословицы русского народа : сборник В. Даля в 2-х т. / В.И. Даль. — Москва : Художественная литература, 1989. — Т. 2. — 447 с.
7. Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология / В.В. Красных. — Москва : ИТДГК «Гнозис», 2002. — 284 с.
8. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка / С.А. Кузнецов. — Санкт-Петербург : «Норинт», 2000. — 1536 с. — URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyj-slovar> (дата обращения: 05.05.25).
9. Кирилова А.Д. Новый фразеологический словарь русского языка: более 8000 фразеологизмов / А.Д. Кирилова. — Москва : Русский язык – Медиа; Дрофа, 2009. — 777 с.
10. Ли Е.С. Особенности столового этикета России и Китая / Е.С. Ли, О.С. Лихарева, М. Пяо // Global and Regional Research. — 2022. — Т. 4. — № 3. — С. 225–232.
11. Национальный корпус русского языка // Национальный корпус русского языка. — 2003. — URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 05.05.25).
12. 陆游诗全集。— URL: <https://shigeku.org/xlib/lingshidaog/gushi/luyou2.htm> (accessed: 05.05.25)。
13. Толмац К.В. Китайско-русский фразеологический словарь / К.В. Толмац. — Москва : Восточная Книга, 2009. — 506 с.
14. Молотков А.И. Фразеологический словарь русского языка / А.И. Молотков. — Москва : Советская энциклопедия, 1967. — 543 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Beloborodova K.A. Sovremennoe sostoyanie rossiisko-kitaiskikh torgovikh otnoshenii [Current state of Russian-Chinese trade relations] / K.A. Beloborodova // Rossiisko-kitaiskie issledovaniya [Russian-Chinese studies]. — 2024. — № 2. — P. 118–128. [in Russian]
2. Bolshoi kitaisko-russkii slovar [Large Chinese-Russian Dictionary] // Bol'shoj kitajsko-russkij slovar' [Large Chinese-Russian Dictionary]. — 1984. — URL: <https://bkrs.info/> (accessed: 05.05.25). [in Russian]
3. Wei Shou. Wei shu (130 juan) [Book of Wei (130 volumes)] / Wei Shou. — Beijing : Zhōnghuá Shūjú, 1973. — 1904 p. [in Chinese]
4. Guleva M.A. Sovremennie tendentsii eksporta professionalnogo obrazovaniya iz KNR [Current trends in the export of vocational education from China] / M.A. Guleva // Rossiisko-kitaiskie issledovaniya [Russian-Chinese Studies]. — 2024. — № 2. — P. 147–155. [in Russian]
5. Dal V.I. Poslovitsi russkogo naroda [Proverbs of the Russian People] : collection by V. Dahl in 2 vol. / V.I. Dal. — Moscow : Hudozhestvennaya literatura, 1989. — Vol. 1. — 431 p. [in Russian]
6. Dal V.I. Poslovitsi russkogo naroda [Proverbs of the Russian People] : collection by V. Dahl in 2 vol. / V.I. Dal. — Moscow : Hudozhestvennaya literatura, 1989. — Vol. 2. — 447 p. [in Russian]
7. Krasnikh V.V. Etnopsikhologystika i lingvokulturologiya [Ethnopsycholinguistics and Linguoculturology] / V.V. Krasnikh. — Moscow : ITDGK "Gnozis", 2002. — 284 p. [in Russian]
8. Kuznetsov S.A. Bolshoi tolkovii slovar russkogo yazika [A Large Explanatory Dictionary of the Russian Language] / S.A. Kuznetsov. — Saint Petersburg : "Norint", 2000. — 1536 p. — URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyj-slovar> (accessed: 05.05.25). [in Russian]
9. Kurilova A.D. Novii frazeologicheskii slovar russkogo yazika: bolee 8000 frazeologizmov [New Phraseological Dictionary of the Russian Language: more than 8000 Phraseological Units] / A.D. Kurilova. — Moscow : Russkii yazik – Media; Drofa, 2009. — 777 p. [in Russian]
10. Li Ye.S. Osobennosti stolovogo etiketa Rossii i Kitaya [The Peculiarities of Russian and Chinese Table Etiquette] / Ye.S. Li, O.S. Likhareva, M. Pyao // Global and Regional Research [Global and Regional Research]. — 2022. — Vol. 4. — № 3. — P. 225–232. [in Russian]
11. Natsionalnii korpus russkogo yazika [National Corpus of the Russian Language] // National Corpus of the Russian Language. — 2003. — URL: <https://ruscorpora.ru/> (accessed: 05.05.25). [in Russian]
12. Complete Works of Lu Youshi. — URL: <https://shigeku.org/xlib/lingshida/gushi/luyou2.htm> (accessed: 05.05.25) [in Chinese]
13. Tolmats K.V. Kitaisko-russkii frazeologicheskii slovar [Chinese-Russian Phraseological Dictionary] / K.V. Tolmats. — Moscow : Vostochnaya Kniga, 2009. — 506 p. [in Russian]
14. Molotkov A.I. Frazeologicheskii slovar russkogo yazika [Phraseological Dictionary of the Russian Language] / A.I. Molotkov. — Moscow : Sovetskaya entsiklopediya, 1967. — 543 p. [in Russian]